

Н
О
М
Е
Р

Д
В
А

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Далер Шайхутдинов

Номер Два: Первый Шаг

<https://litres.ru/74024979>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Ты номер два, — сказал ему тренер. — Второй сын, второй сорт, второй план. Но если научишься бить — станешь первым для тех, кому это важно».

Далер Шайхутдинов

Номер Два: Первый Шаг

Номер два

Батареи в панельной пятиэтажке не грели по-настоящему никогда.

Даже если сантехники травили воздух, даже если сосед сверху включал газовую колонку на полную — радиаторы оставались едва теплыми. Как будто сам дом не верил, что зима когда-нибудь закончится. Айнуру было плевать на холод. Он привык. Как привык к запаху капустного супа из соседней квартиры, крикам за стеной и тому, что утром обязательно кто-то будет громко кашлять на кухне. Мать. Она кашляла всегда.

Он не спал уже час.

Лежал на спине, глядя в побеленный потолок с желтым пятном от старой протечки. Одеяло — тонкое, солдатское, мать принесла с работы пару лет назад — натянута до подбородка. Дышал носом, чтобы не глотать ледяной воздух. Руки под подушкой. Сжаты в кулаки, потому что по-другому они

не лежали уже давно.

Телефон на тумбочке показывал 5:42.

За окном было черно. Фонари во дворе горели через один — экономия. Снегопад, который обещали вчера, так и не начался, зато ветер дул, как всегда, с запада, со стороны промзоны, и небо над девятиэтажками висело низкое, рваное, серое.

Айнур сел.

Не рывком, не со вздохом — просто перевел тело в вертикальное положение, как будто его кто-то включил. Посидел минуту, опустив голову, разминая шею. Позвоночник хрустнул — три щелчка подряд. Он замер, прислушиваясь.

Из кухни не доносилось ни звука.

Ни звона посуды, ни бормотания телевизора, ни тяжелых шагов матери, которая всегда вставала раньше него. Тишина.

Айнур поднялся. Пол под босыми ногами был ледяным — линолеум, уложенный еще при Горбачеве, давно потерял остатки тепла. Он прошел через коридор, мимо вешалки, где висели две куртки (его старая, мать его еще более старая),

мимо треснутого зеркала, в которое никогда не смотрелся, и толкнул дверь на кухню.

Пусто.

На плите — кастрюля с вчерашним супом, на столе — чайник с остатками кипятка, пустая кружка с трещиной на доньшке. На подоконнике — горшок с засохшим кактусом.

И записка.

Клочок тетрадного листа, придавленный спичечным коробком. Почерк матери — мелкий, наклонный, буквы прыгают, как будто рука не слушалась.

«Айнур. Деньги на столе — 1000#. Забери Алию из школы в 14:00. Хлеб бери обязательно. Если останется — в аптеку, мне антибиотики, название на бумажке в коридоре. Я задержусь. Не жди. Суп подогрей»

Тысяча рублей.

Две бумажки по пятьсот. Лежали рядом с сольницей. Айнур взял их, пересчитал — словно могло оказаться больше — и положил в карман джинсов, которые еще с вечера висели на стуле.

Он не поел.

Налил кружку вчерашнего чая — черного, горького, давно заваренного, — выпил стоя, глядя в окно. Там, внизу, дворник в оранжевом жилете уже махал метлой. Собака бежала по сугробу, проваливаясь по брюхо. Мужик в расстегнутой дубленке курил у подъезда, дым смешивался с паром изо рта.

Ничего нового.

Он помыл кружку, поставил на место. Услышал, как закрипела дверь в комнате матери. Подумал на секунду — не зайти ли, не спросить ли, как спала. Не спросил. Не умел.

И тут же захлопнулась входная дверь.

Не хлопнула — ударила. С такой силой, что в прихожей задребезжали вешалки.

Айнур не обернулся.

Он знал, кто это. По походке. По тому, как дверь не закрывают, а бросают. По запаху перегара, который вполз в кухню секундой позже.

Отец.

Ринат Хайруллин стоял в коридоре, тяжело дыша, опираясь рукой о стену. Вчерашняя рубашка выбилась из штанов, лицо опухшее, небритое, глаза красные, как у хорька. Он не смотрел на сына. Он шарил взглядом по полкам.

— Деньги где?

Голос — сиплый, прокуренный, с казанским грассированием. Ни «здравствуй», ни «как ты». Просто деньги.

Айнур не ответил.

Он стоял у стола, сложив руки на груди. Смотрел на отца. Не зло, не испуганно — никак. Как смотрят на мебель. Как смотрят на трещину в стене, которая там была всегда и никуда не денется.

— Я слышал, мать оставила.

Ринат сделал шаг. Покачнулся. Схватился за косяк.

— Ты, падла, не слышишь? Деньги давай.

— Нет.

Айнур сказал это тихо. Не выкрикнул, не бросил в лицо — просто произнес, как констатировал факт.

Отец замер.

В комнате стало очень тихо. Даже ветер за окном как будто притих, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Потом Ринат усмехнулся — криво, слюняво, зло — и шагнул к сыну.

Он был выше. Когда-то шире в плечах. Но сейчас от него несло перегаром, недосыпом и безысходностью. Он подошел почти вплотную. Шумно дышал.

— Смотри на меня, — сказал он. — Смотри, говорю.

Айнур смотрел. Не моргая.

Ринат поднял руку. Не замахнулся — просто поднял, показывая, что может ударить. Что у него есть сила. Что он мужчина.

Айнур не дернулся. Не пригнулся. Не закрылся.

Он просто стоял.

И в этом стоянии было что-то, что заставило Рината опустить руку. Не сразу. Через пять секунд, долгих, как час. Опустил, отвернулся, плюнул на пол.

— Выродок, — бросил через плечо. — Вся в мать. Бездушная.

И вышел.

Дверь снова ударила так, что посыпалась штукатурка. Шаги затихли на лестнице.

Айнур постоял еще минуту. Посмотрел на плевок на полу. Потом взял тряпку, вытер, выкинул в ведро.

Взял со стула джинсы, старую толстовку с капюшоном, натянул. Проверил, на месте ли тысяча рублей. Надел кроссовки — не те, в которых бегал, а старые, повседневные.

Ключи. Телефон. Записка матери в кармане, хотя он уже запомнил.

Он вышел из квартиры, не оглядываясь.

На улице было светло.

Не солнечно — зимняя Казань не знает солнца в феврале, — а просто серо-светло, когда небо затянуто так плотно, что непонятно, день сейчас или ранние сумерки. Снег скрипел под ногами. Машины во дворе стояли сугробленные по зеркала.

Айнур шел к остановке.

Не быстро, не медленно. Равномерно. Он всегда ходил так, будто ему никуда не надо. Даже когда надо.

Толстовка с капюшоном — капюшон накинут, но лицо не прячет, ему все равно, кто смотрит. Руки в карманах, плечи чуть вперед, голова чуть опущена. Походка бесшумная, скользящая — дворовые кошки ходят так, когда идут за добычей.

На остановке уже ждали.

Человек десять. Сонные лица, одинаковые куртки, одинаковые сумки. Бабка с тележкой, студент в наушниках, мужик с авоськой.

Никто не смотрел друг на друга. Никто не говорил.

Айнур встал в конец очереди.

Подошел автобус. Ржавый, грязный, с надписью «АК-258» на боку. Двери открылись с визгом, из салона пахло перегаром и старой обивкой. Люди полезли внутрь, как черви в яблоко — медленно, вдавленно, с кряхтением.

Айнур зашел последним.

Встал у задней двери, где было свободнее. Прислонился спиной к поручню. Закрыв глаза. Не спал — просто отключился.

Автобус тронулся.

Он чувствовал, как машина переваливается на ямах, как кто-то рядом кашляет (сухо, надрывно — мать кашляла так же), как за окном проплывают панельные девятиэтажки, хрущевки, гаражи-ракушки, остановки с табличками на двух языках.

«Гадельша», «Авторынок», «Текстильная».

Татарские названия перемежались с русскими. Город жил

на двух языках, и Айнур думал на обоих — переключался не замечая.

Школа называлась «Мәктәп № 43».

Он вышел за две остановки до нее. Прошелся по чищенному-перечищенному тротуару, мимо ларька с шаурмой (закрыт), мимо магазина «Пятерочка» (открыт, у входа толкутся алкаши), мимо бетонного забора стройки, которую заморозили еще в прошлом году.

Школа выглядела, как все школы в районе: панельная коробка, облезлые колонны у входа, флаг России над крыльцом, табличка «Спорт — жизнь».

Айнур толкнул дверь.

Внутри было шумно.

Школа — это гул. Гул голосов, шагов, хлопающих дверей, стульев на переменах. Пахло пирожками из столовой, хлоркой из туалетов и потом из раздевалок.

Первым уроком была литература.

Айнур зашел в класс последним, как всегда. Сел на по-

следнюю парту у окна, как всегда. Достал тетрадь — чистую, потому что он ничего не писал на прошлом уроке — и положил перед собой. Смотрел в окно.

Учительница — Людмила Аркадьевна, пожилая, с вечной усталостью в глазах — читала «Преступление и наказание».

— Раскольников идет на убийство, — говорила она монотонно. — Он не хочет убивать. Он проверяет идею. А вы как думаете, можно ли проверить идею кровью?

Никто не отвечал.

Айнур слушал краем уха.

Он не читал Достоевского. Не потому что не мог — просто не хотел. Зачем? Чтобы понять, что бедность унижает? Он и так знал. Чтобы увидеть, как старуху-процентщицу убивают топором? Он видел кровь на снегу в прошлом году, когда брата избивали на районе.

Литература была про жизнь, которую он и так жил.

Он смотрел в окно. За стеклом — серое небо, голые тополя, ворона на суку. Где-то там, за горизонтом, заводские трубы дымили, как паровозы. Там работала мать. Убирала

цеха, мыла полы, сгибалась в три погибели.

Он сжал челюсти.

Перемена.

Коридор наполнился криком. Айнур вышел, встал у стены, вытащил телефон. Ноль сообщений. Он уже хотел убрать его в карман, когда услышал:

— Отдай, я сказал!

Он поднял голову.

В конце коридора, у пожарного выхода, трое старшеклассников окружили тощего парня в очках. Десятиклассник, судя по виду. Один держал его за ворот куртки, второй вытаскивал из кармана телефон. Третий стоял на стреме, ухмыляясь.

Айнур смотрел.

Он узнал нападавших. Не по именам — по лицам. Старшаки, которые всегда курят за гаражами и в автобусе никогда не уступают место. Обычная история. Обычная гоп-стоп.

Тощий парень что-то пискнул, но его дернули, и телефон выскользнул из рук.

Айнур отвернулся и пошел дальше.

Не вмешался.

Не потому что боялся — он не боялся никого из них. А потому что... чужие проблемы. У него своих хватало.

Он прошел мимо, не ускоряя шаг, не замедляя. Они даже не заметили его. Или заметили, но не окликнули. Потому что в его фигуре было что-то, что говорило: лучше не связываться.

Он знал это. Пользовался этим.

Но не гордился.

Уроки кончились в два.

Айнур вышел из школы первым. Не побежал — спокойно прошел через турникеты, спустился с крыльца, вдохнул морозный воздух. Щипало ноздри.

Он направился к начальной школе — она стояла в ста мет-

рах, такой же панельный барак, только с цветными полосками на фасаде.

У входа уже толпились родители. Мамы с колясками, бабушки, две женщины в хиджабах, редкие отцы. Все кутались в шарфы, переминались с ноги на ногу.

Айнур не стал подходить близко. Встал у дерева, прислонился спиной к стволу, засунул руки глубже в карманы.

Через пять минут двери открылись, и высыпали дети.

Маленькие, в пуховиках, с рюкзаками, которые казались больше их самих. Они бежали к родителям, кричали, смеялись. Айнур прищурился, высматривая одну фигурку.

Вот она.

Алия.

Невысокая, худая, в синем пуховике с розовыми вставками (подарок тети, старенький, но теплый). Темные волосы торчат из-под шапки, щеки красные от мороза, в руках — планшет для рисования, прижатый к груди.

Она бежала не к нему — она искала его глазами. Увиде-

ла, улыбнулась (широко, искренне, как умеют только дети и дураки) и рванула вперед.

— Айнур!

Она врезалась ему в бок, обняла. Ей не было неловко. Она не стеснялась брата, даже когда он молчал и смотрел в одну точку.

— Ты пришел! А я боялась, что ты не придешь, мама сказала, что у тебя может не быть времени, а я рисунок закончила, смотри, смотри!

Она отстранилась, развернула планшет.

Айнур посмотрел.

На листе была лошадь. Белая лошадь, скачущая по снегу. Грива развевается, ноги вытянуты, глаза огромные, почти живые. Конечно, не шедевр — одиннадцатилетняя девочка, старательная, но рука еще не набита. Но было в этом рисунке что-то свободное. Что-то, чего не было в панельной многоэтажке, в школе, на улице.

— Хорошо, — сказал Айнур.

Алия надула губы.

— Ты всегда говоришь «хорошо». А ты взглядишь! У нее же есть характер. Она летит.

Айнур взгляделся.

— Летит, — согласился он.

Алия улыбнулась. Она знала, что большего не добьется.

Они пошли домой.

Алия щебетала что-то про учительницу, про то, как они на ИЗО рисовали натюрморт, про девочку Лейсан, которая порвала ее тетрадь специально, назло. Айнур слушал. Иногда кивал. Иногда хмыкал. Один раз даже улыбнулся — криво, одними уголками губ, но Алия заметила и сказала:

— О, Айнур улыбается! Запишем дату в календарь.

— Заткнись, — без злости сказал он.

— Сам заткнись.

И они шли так — огромный мрачный парень и маленькая

болтливая девочка — по заснеженной улице, и прохожие наверняка думали: странная пара.

Они почти дошли.

До дома оставался один квартал. Надо было пересечь двор между двумя девятиэтажками. Там всегда было пустынно — ни лавочек, ни детских площадок. Только гаражи, снежные кучи и фонарь, который не горел уже года три.

Айнур замедлил шаг.

Он почувствовал их раньше, чем увидел.

Трое.

Стояли у подъезда соседнего дома, курили. Но когда Айнур с Алией прошли мимо, они отклеились от стены и двинулись следом. Не напали сразу — поравнялись.

— Эй, пацан.

Голос — ленивый, уверенный. Настоящий голос человека, который привык брать силой.

Айнур остановился.

Алия тоже остановилась, прижалась к нему. Она уже всё поняла. Такие вещи дети чувствуют мгновенно.

— Ты же брат Аделя? — спросил тот, что шел первым. Короткая стрижка, золотая цепь поверх камуфляжной куртки, огромные кисти рук.

Айнур молчал.

— Я спрашиваю, — мужик шагнул ближе. — Адель Хайруллин — твой брат, да?

— Какой Адель? — тихо спросил Айнур. Не притворялся — реально хотел понять, чего от него хотят.

— Не пизди. — Второй, сзади. — Адель — старший твой. Он нам бабки должен. Сказал, что отдаст. Мы его ждали. Он не пришел. Придется с тобой поговорить.

Айнур смотрел на них по очереди.

Первый — рослый, килограмм под девяносто. Второй — пониже, но с бычьей шеей. Третий — мелкий, шустрый, держался чуть в стороне, но руки из карманов не вынимал. Мог быть с ножом.

Их было трое.

Айнур знал, что справиться с тремя — почти невозможно. Даже если ты злой, даже если готов умереть. Они просто задавят массой.

Но у него за спиной была Алия.

— Отойди, — тихо сказал он ей. — К стене.

Алия испугалась. Но послушалась. Отошла к гаражу, застыла, сжав планшет в руках.

— Умный, — усмехнулся первый. — А теперь говори, где Адель прячется.

— Не знаю, — ответил Айнур. Это была правда. Брат не посвящал его в свои дела. И Айнур не лез.

— Не знаешь? — Мужик покачал головой. — Плохо. Тогда... — Он кивнул своим.

Второй шагнул вперед и без замаха ударил Айнура в живот.

Удар был профессиональным — не дворовым, не пьяным. Тренированным. Дышать стало нечем. Айнур согнулся, но не упал. Схватился за стену гаража, поднял голову. Глаза — черные, пустые.

— А ты крепкий, — удивился первый. — Еще раз.

— Не надо! — крикнула Алия из-за спины. — Отстаньте от него!

Ей никто не ответил.

Второй замахнулся снова, но Айнур уже ждал. Уклонился — не чисто, по-уличному, всем корпусом — и врезал локтем в солнечное сплетение. Быстро. Грязно. Зло.

Мужик охнул и сложился пополам.

Дальше все смешалось.

Третий вытащил из-за пазухи кастет. Первый пошел вперед, растопырив руки, как борец.

Айнур не боксировал. Он выживал.

Он ударил первого ногой в колено (не по правилам, гряз-

но, но эффективно), тот рухнул. Третий с кастетом полоснул по лицу — Айнур увернулся, но край кастета задел скулу, обожгло.

Он ответил. Не глядя, наотмашь, всем весом — попадание в челюсть. Хруст. Третий отлетел к сугробу, выронил кастет.

Второй поднялся и бросился на него, как бык.

Айнур пропустил удар в плечо — боль вспыхнула, плечо онемело. Упал на одно колено. Второй занес ногу для удара.

И тут Айнур сделал то, что запомнит на всю жизнь.

Он не убежал. Не закрылся. Он схватил ногу противника и дернул вверх. Рывок — и мужик рухнул на спину, ударился затылком о лед.

Айнур навис над ним.

И ударил.

Раз. По лицу. Два. По носу. Три — куда-то в висок. Перчатка порвалась, костяшки горели огнем, по пальцам текла кровь (чужая или своя — он не понял).

— Айнур! — закричала Алия. — Айнур, хватит!

Он остановился.

Противник под ним уже не сопротивлялся. Лежал, раскинув руки, с разбитым лицом, хрипел.

Первый, тот, с золотой цепью, поднялся, хромал. Он смотрел на Айнура с ненавистью и... со странным уважением.

— Запомни, — сказал он тихо. — Ты ответишь за это. Ты и твой брат. Это не конец.

Он подхватил второго, третий уже встал, держась за челюсть. Они ушли, оставляя на снегу темные пятна — кровь.

Айнур стоял на коленях, тяжело дыша.

Все тело болело. Лицо горело, плечо ныло, пальцы на правой руке не разгибались. На снегу алели капли — из разбитой губы, из рассеченной скулы, с разбитых костяшек.

К нему подбежала Алия. Дрожащими руками прижала планшет к груди, смотрела широкими глазами. На лице у нее не было страха. Было что-то другое — узнавание.

— Ты... ты их победил, — прошептала она.

Айнур поднялся. С трудом. Пошатнулся, удержался.

— Пошли, — сказал он хрипло. — Не оглядывайся.

Он взял сестру за плечо и повел ее к дому. Она шла молча, иногда всхлипывая. Айнур не говорил ни слова. Только смотрел под ноги, на снег, на кровь, которая капала с его пальцев и оставалась черной на белом.

Он завел Алию домой.

Матери еще не было. В квартире пахло холодом и вчерашними котлетами. Он запер дверь на цепочку, проверил окна (закрыты), помог Алие снять куртку и ботинки.

— Иди в комнату, — сказал он. — Включи мультики.

— А ты? — спросила она.

— Я приду.

Она ушла. Через минуту из зала слышались звуки старого телевизора — какая-то реклама, потом голоса.

Айнур зашел в ванную.

Включил свет. Посмотрел в зеркало.

Из зеркала на него смотрел чужой парень. Разбитая губа, рассеченная скула, под левым глазом начинал расплываться синяк. Глаза — черные, усталые. Немного пустые.

Он открыл кран, подставил руки под ледяную воду. Кровь смывалась неохотно, сворачивалась в розовые разводы на эмали.

Костяшки на правой руке — сбиты в мясо. В двух местах порезы — видимо, задел зубы противника.

Он достал из шкафчика бинт (старый, мать приносила с работы) и начал перематывать. Молча. Аккуратно. Как учил себя.

Сначала вокруг большого пальца. Потом крест-накрест по костяшкам. Потом вокруг запястья, чтобы держалось.

Пальцы слушались плохо — опухли.

Когда он закончил, то просто сел на край ванны и закрыл глаза.

В голове было пусто. Ни злости, ни страха, ни жалости к себе. Одна усталость. Тяжелая, свинцовая, которая давила на плечи, как мешок с песком.

Телефон пиликнул. Сообщение от матери:

«Задержусь. Котлеты в холодильнике. Алию покорми»

Он не ответил.

Выключил звук, положил телефон на стиральную машину.

Вышел в коридор, заглянул в зал. Алия уже спала — свернулась калачиком на ковре, прижимая к себе старого плюшевого зайца. Телевизор бормотал что-то про погоду. На экране мелькали карты, стрелки, синие зоны холода.

Айнур выключил телевизор.

Сел на кухне у окна.

За окном темнело. Фонарь во дворе мертво светил желтым светом, выхватывая из темноты сугробы и припаркованные машины. Ни души.

Он сидел, положив перебинтованную руку на стол, и смотрел в темноту.

О чем он думал? Ни о чем.

Он просто ждал. Завтрашнего дня. Который будет точной копией сегодняшнего. И послезавтрашнего. И всех остальных.

Он сидел в пустой квартире, в молчании, в холоде. В городе, который не замечал его.

И ничего не ждал. Потому что ждать было нечего.

Прошла неделя.

Ничего не изменилось.

Айнур по-прежнему вставал в темноте, пил горький чай, выслушивал претензии отца (который теперь ночевал дома через раз, но всё равно умудрялся устраивать скандалы по утрам). Мать кашляла всё так же надрывно. Алия рисовала лошадей и звезды.

В школе его не трогали.

На улице — тоже. После той драки во дворе, после того, как трое взрослых мужиков ушли с разбитыми мордами, слухи разошлись быстро. «Есть такой Хайруллин, младший брат Аделя, лучше не связываться».

Айнуру было плевать на слухи. Он не чувствовал себя крутым. Он просто устал.

Деньги, которые оставляла мать, уходили на хлеб, лекарства и школьные обеды Алии. На себя он почти не тратил. Новая пара перчаток для бокса? Смешно. Он вообще не думал о боксе. Там, где он жил, бокс был для богатых. Для тех, у кого есть время и деньги на абонемент.

У него не было ни того, ни другого.

Но драться он продолжал.

Не потому что хотел. Просто жизнь заставляла.

Среда. 18:30. Пустырь за гаражами.

Айнур возвращался из аптеки. Мать попросила купить ан-

антибиотики — опять. Рецепт, скидка по карте, очередь, безразличный фармацевт. Он сжимал в кармане коробочку с таблетками и думал о том, что скоро этих денег не хватит даже на хлеб.

На пустыре за гаражами он услышал крики.

Это место было известно всем в районе. Старая котельная, заброшенные гаражи, груды железа. Весной здесь тонули в грязи, зимой замерзали. И всегда здесь кто-то кого-то бил.

Айнур хотел пройти мимо. Не его дело.

Но он узнал голос.

— Отпустите, я ничего не сделал! Честно, я просто мимо шел!

Ринат.

Тот самый тощий десятиклассник в очках, у которого неделю назад отжали телефон. Сейчас его держали двое. Он стоял на коленях в снегу, без шапки, с разбитой губой. Третий, с бритым затылком, крутил в руках его рюкзак, вытряхивая содержимое.

— О, смотри, — усмехнулся лысый. — Айфон. Не хило, пацан. С какого перепугу?

— Это отца, — прохрипел Ринат. — Отца. Он мне на день рождения... пожалуйста, не надо...

Лысый замахнулся.

Айнур остановился.

Он знал, что надо пройти мимо. Не вмешиваться. У него нет друзей. У него есть только сестра и больная мать. Если его покалечат, кто будет заботиться о них?

Но ноги не двигались.

Он смотрел на Рината. На то, как трясутся его руки. На лысого, который ухмылялся, чувствуя свою силу. На остальных двоих — обычные бычки, которые пришли поглазеть.

Злость поднялась откуда-то из живота. Глухая, тлеющая. Не на этих троих — на всю эту гребаную реальность, где сильный всегда прав, а слабый всегда платит.

— Отвалите, — сказал Айнур.

Они не сразу поняли, кто это сказал. Обернулись.

— Чего? — лысый прищурился.

— Отвалите, — повторил Айнур. Спокойно. Без угрозы.

— Телефон отдайте и идите.

Тишина.

Потом один из бычков заржал — тонко, истерично.

— Ты чё, герой? На тебя три здоровых мужика, а ты...

— Четыре, — поправил его Айнур.

— Что?

— Нас четверо. Ты, он, он и я. Четыре. Математику не учил.

Лысый перестал улыбаться.

Он отпустил рюкзак, шагнул к Айнуру. Рассматривал его — толстовку с капюшоном, забинтованную руку (старые раны еще не зажили), худое, бледное лицо с темными кругами под глазами.

— Слушай, пацан, — сказал он тихо. — Ты, наверное, крутой у себя в школе. Но здесь взрослые люди. Иди отсюда, пока цел.

Айнур не ушел.

Он сделал шаг вперед.

— Последний раз говорю. Отвалите.

— Бей, — сказал лысый своим.

Они напали одновременно.

Айнур был готов. Первый удар — локтем в челюсть ближнему. Тот охнул, отлетел к гаражу. Второй бросился сбоку — Айнур пропустил его, схватил за куртку, дернул, закрутил, ударил коленом в бедро. Хрустнуло.

Но лысый оказался быстрее.

Пока Айнур возился с двумя, он зашел со спины и ударил — не кулаком, а чем-то тяжелым. Арматура. Айнур почувствовал удар по ребрам, воздух вышибло из легких, ноги подкосились.

Он упал на колени. Прямо как Ринат минуту назад.

— Вот так, — услышал он сверху. — Вот так, герой.

Айнур попытался встать — не получилось. Тело не слушалось. Ребра взорвались болью при каждом вдохе. Он поднял голову и увидел занесенную для удара ногу.

Удар в лицо? Он уже не успел закрыться.

И тут кто-то заорал:

— Стоять! А ну стоять, я сказал!

Удар не пришелся.

Лысый остановился, обернулся.

Из-за гаражей выбежали трое. Двое — крупные, в спортивных костюмах. И один — высокий, худой, в ярко-желтых перчатках, с лицом, которое Айнур никогда раньше не видел.

Но он узнал походку. Легкую, пружинистую. Боксерскую.

— Ты чё, еблан? — крикнул тот, что в желтых перчатках.

— Ты чё делаешь, скотина? Это наш человек. Отвали, пока цел.

Лысый не понял, что происходит. Его подельники тоже. Трое против троих — не их расклад.

— Какое ваш? — попытался спросить он.

— Наше, — ответил здоровяк с короткой стрижкой. — Иди отсюда, пока ноги не переломали.

Лысый глянул на Айнура, на подбежавших, на свои руки. Плюнул.

— Еще встретимся, — бросил он и ушел. Двое его подхватили пострадавших и потопали к дороге.

Айнур сидел на снегу, тяжело дыша. Ребра болели так, что он боялся сделать глубокий вдох. Из разбитой губы текла кровь, капала на серый снег.

К нему подошел тот, в желтых перчатках. Присел на корточки, заглянул в лицо.

— Живой?

Айнур поднял глаза.

Парень был примерно его возраста. Может, на год старше. Лицо простое, с веснушками, вечная полуулыбка, хотя сейчас он был серьезен. Глаза цепкие, быстрые.

— Тебя как зовут? — спросил желтые перчатки.

Айнур промолчал.

— Ну и молчун, — без обиды сказал парень. — Ладно, потом познакомимся. Меня Паша зовут. Паша Улыбин. А это, — он кивнул на подошедших здоровяков, — Марат и Дамир. Мы из зала «Старая школа». Громов нас тренирует.

Айнур слышал про Громова. Все слышали про Громова. Старый тренер, отставник, держит подвал в двадцати метрах от этого пустыря.

— Ты как тут оказался? — спросил Марат — тот, что с короткой стрижкой. Спокойный, рассудительный взгляд.

— Шел мимо, — выдавил Айнур.

— Угу. Мимо он шел. — Паша усмехнулся. — Мы в окно

с тренировки смотрели. Видим — на пустыре заварушка. А ты за пацана вступился. Не каждый бы стал.

Айнур промолчал.

— Брат, — сказал вдруг Дамир (огромный, как шкаф, с медвежьей добродушной мордой). — У тебя ребра, похоже, треснули. Надо к врачу.

— Некогда, — ответил Айнур.

— Тогда хотя бы лед приложи, — сказал Марат. — Пойдем с нами. В зале аптечка есть. Громов не выгонит.

Айнур хотел отказаться. Обычно он отказывался. «Сам справлюсь, не надо помогать, отстаньте».

Но сейчас... сейчас он не мог встать. Тело отказывалось подчиняться. Ребра пульсировали болью, рука, которой он заблокировал удар, онемела. Он проиграл. Если бы они не подоспели, его бы просто забили арматурой.

— Ладно, — сказал он тихо.

Паша протянул руку.

Айнур посмотрел на нее. На желтую перчатку, на грязный бинт, на веснушчатое лицо с улыбкой.

Он взялся за руку. Паша дернул, поднял его на ноги.

— Держись? — спросил он.

Айнур кивнул.

— Молодец. Пошли. — Паша хлопнул его по здоровому плечу. — Ты, кстати, круто дерешься. Грязно, но больно. Громову такое нравится.

Они пошли к дому, где в подвале была «Старая школа». Айнур хромал, прижимая руку к ребрам, и чувствовал, как снег хрустит под ногами.

Впереди бежал Ринат — тот самый пацан в очках. Он подобрал свой рюкзак, вытер разбитую губу и теперь семенил рядом, все порываясь сказать спасибо.

— Ты... ты правда за меня заступился, — бормотал он. — Спасибо. Тебя как зовут?

Айнур молчал.

— Это Айнур, — ответил за него Паша. — Мы уже поняли.

Они вошли в подъезд, спустились по скрипучей лестнице в подвал. Айнур толкнул тяжелую дверь и вдохнул запах — старый боксерский зал. Пот, мази, резина, железо.

И запах дома.

Подвал пахло потом.

Не тем сладковатым запахом фитнес-клубов с кондиционерами — настоящим, густым, вековым. Казалось, эти стены впитали его за десятилетия и теперь выдыхали обратно, даже когда в зале никого не было.

Айнур остановился у входа, оглядываясь.

Зал был маленьким. Потолки низкие — при его росте можно было достать рукой до плит перекрытия. Стены оббиты чем-то старым, кое-где порванным. Пол бетонный, в трещинах, но везде настелены резиновые маты — потрепанные, но чистые.

В центре — ринг. Самый настоящий, хотя и старый. Канаты обмотаны синей изолентой в нескольких местах. Настил

вытерт до дыр, но натянут туго.

В углу — мешки. Тяжелые, в крови и лейкопластыре. Три груши — две большие, одна маленькая, для скорости. Скамейки, шкафчик с инвентарем, на стене — пожелтевшие плакаты с техникой ударов, календарь за 2019 год и большая черно-белая фотография.

На фотографии — молодой боксер с голым торсом, в перчатках, с поднятой рукой. Судьи поднимают ему руку, на заднем плане — переполненный зал. Лицо — жесткое, не улыбочивое, с разбитой бровью и тяжелым взглядом.

Айнур узнал его. Громов.

— Смотри, смотри, — услышал он голос Паши. — Тренера нашего разглядывает. При жизни еще.

— При жизни, говоришь? — раздался голос из глубины зала. Низкий, хриплый, с казанским грассированием. — Я, может, вас всех переживу, оболтусов.

Из-за мешка вышел Громов.

Айнур смотрел на него вблизи впервые.

Невысокий, коренастый, в старой олимпийке с вытянутыми локтями. Лицо — грубое, изрезанное морщинами, будто его несколько раз собирали заново. Нос с горбинкой, сломанный, дышит тяжело, с присвистом. Глаза — серо-стальные, маленькие, умные. Они смотрели на Айнура в упор, без улыбки, без интереса — с оценкой.

— Это кто? — спросил Громов, не оборачиваясь к Паше.

— Айнур, — ответил Паша. — Мы его на пустыре... ну, в общем, он дрался там с тремя, мы помогли.

— Сам дрался с тремя?

— С тремя, — кивнул Айнур.

Громов подошел ближе. Встал в метре, сложил руки на груди. Смотрел.

— Уличная драка?

— Ага.

— На что похожа?

Айнур пожал плечами.

— Выживал. Они ушли.

— Кто они?

— Не знаю. Должники брата.

Громов кивнул, будто услышал то, что хотел. Повернулся к ребятам.

— Чего встали? У вас тренировка. Мешки. Риног — бег, пять кругов. Дамир — отработывай двойку, у тебя рука падает. Марат, подойди.

Ребята разошлись. Паша крикнул «удачи, боец» и побежал к груше.

Айнур остался стоять у входа, не зная, куда сесть. Громов кивнул ему на скамейку.

— Садись. Покажи руки.

Айнур сел, вытянул вперед ладони. Тыльные стороны были разбиты — старые раны не зажили, прибавились новые с сегодняшней драки. Бинты грязные, костяшки синие, пальцы опухли.

Громов взял его руки. Нежно. Удивительно нежно для таких грубых пальцев. Повертел, пощупал, постучал по костяшкам.

— Больно?

— Немного.

— Врешь. Больно. Плечо?

— Тоже.

— Дыши.

Айнур вдохнул — ребра отозвались острой болью.

— Глубже.

Он попробовал. Закашлялся.

— Трещина может быть, — равнодушно сказал Громов.

— Не смертельно. Заживет. Если не будешь драться неделю.

— У меня нет недели, — сказал Айнур.

— Есть. — Громов посмотрел ему в глаза. — Или ты хочешь, чтобы следующая арматура прилетела в голову?

Айнур промолчал.

— Ладно. — Громов отпустил его руки, достал из кармана помятую пачку «Примы», вытащил сигарету, но не закурил — покрутил в пальцах. — Ты зачем сюда пришел?

— Меня привели.

— А сам? Сам зачем пришел? Лечиться? Драться? Или просто под крышей спрятаться?

Айнур подумал.

— Не знаю, — сказал он честно.

Громов усмехнулся. Криво, одними уголками губ. Но глаза остались серьезными.

— Хороший ответ. Честный. — Он сунул сигарету обратно в пачку. — Смотри, Айнур. Я вижу, что ты умеешь бить. Вижу, что ты не боишься. Но это дерьмо, — он махнул рукой в сторону выхода, на улицу, где была драка, — это не бой. Это мордобой. На ринге тебя уделает любой, кто провел год

в зале. Да, — он перехватил взгляд Айнура. — Даже Паша, которого ты видел. Уделает, и не заметит.

— Пусть попробует, — тихо сказал Айнур.

— О! — Громов хлопнул ладонью по колену. — Нравишься, пацан. Злой. — Он поднялся. — Хочешь проверить? Раз надо—значит, хочешь.

Он повернулся к залу.

— Паша! Иди сюда.

Паша подбежал, запыхавшийся, утирая пот со лба.

— Да, тренер?

— Спарринг. Легкий. Покажи новенькому, что такое бокс.

— Но у него ребра, — возразил Паша.

— Ребра заживут. А спесь — нет. Перчатки дай. Шлем не надо.

Паша глянул на Айнура. В глазах — не злорадство, а со-

чувствие.

— Ты как хочешь? — спросил он.

— Хочу, — ответил Айнур.

Они вышли на ринг.

Паша надел свои желтые перчатки, Айнур достались старые, черные, с вытертым логотипом. Он затянул липучки, чувствуя, как непривычно тяжелы руки. На улице он никогда не использовал перчатки. Только бинты. Иногда ничего.

Громов встал в углу, прислонившись к канату.

— Правила простые, — сказал он. — Работаем два раунда по минуте. Бьем в корпус, в голову — легко. Без грязи. Без локтей, головы, коленей. Только кулаки. Вопросы?

— Нет, — сказал Паша.

— Нет, — повторил Айнур.

— Начали.

Айнур бросился вперед.

Он привык драться быстро, сближаться, бить первым. На улице это работало — противник не успевал сообразить, как его уже ударили.

Паша не испугался.

Он сделал шаг назад, раз — и Айнур пролетел мимо. Второй шаг, поворот — и резкий удар в корпус, аккуратный, но точный. Туда, где трещина.

Айнур охнул, согнулся.

— Не заводись, — сказал Паша. Спокойно. Даже дружелюбно. — Дыши.

Айнур выпрямился, закусил губу. Снова пошел вперед. Правый прямой — Паша ушел вниз, левый хук — блок, снова удар в корпус.

Айнур пропустил. И еще один.

Он не мог его достать. Паша двигался — легко, будто танцевал. Айнур на улице привык драться стоя, лоб в лоб. А здесь противник не стоял на месте. Он был везде и нигде.

Айнур взбесился.

Он бросился вперед с диким криком, размахивая руками, как ветряк. Паша просто поднырнул под его руку, оказался сбоку и коротким хуком послал его в нокдаун.

Не сильно. Аккуратно. Но Айнур рухнул на настил как подкошенный.

Над ним склонились лица. Паша, виноватый, Марат, спокойный, Дамир, удивленный.

— Блин, прости, — сказал Паша. — Я не со всей силы.

Айнур лежал на спине, глядя в потолок. В ушах звенело. Губа снова разбилась — из нее текла теплая струйка. Ребра ныли, но к боли он привык.

Он закрыл глаза.

Вот так. Уделали. С одного удара.

Он ожидал насмешек. Но их не было.

— Вставай, — сказал Громов. Без жалости, но и без удовольствия. — Вставай, пацан. Ты жив.

Айну́р открыл глаза, сел. Паша протянул ему руку.

— Давай, боец. Ты хорошо держался.

— Я проиграл, — глухо сказал Айну́р.

— Еще бы не проиграл, — усмехнулся Громов. — Ты полгода уличных драк против двух лет в зале. Разница — как между самокатом и машиной. Но, — он наклонился, заглянул в глаза, — я видел кое-что. Когда ты взбесился, ты стал быстрее. Грязно, но быстрее. Это можно использовать.

Он хлопнул Айну́ра по плечу.

— Хочешь научиться?

Айну́р поднял голову. Посмотрел на Громова. На Пашу, который улыбался. На Марата, Дамира, Рината (тот подошел, прижимая к груди свой рюкзак). На старый зал с пожелтевшими плакатами.

— У меня нет денег на абонемент, — сказал Айну́р.

— Кто говорит про деньги? — Громов достал сигарету, но снова не закурил. — Будешь убирать зал. Подметать, мыть

полы, менять мешки. Заодно научишься технике. Идет?

Айнур подумал о матери. Об Алии. О том, что дома его ждет холодный суп и пьяный отец.

— Идет, — сказал он.

— Тогда одевайся, — кивнул Громов. — Бег, пять кругов вокруг ринга. Паша, покажи ему разминку. И без поблажек.

Паша подмигнул.

— Пошли, боец. У нас тут весело.

Айнур поднялся с настила. Кряхтя, доковылял до канатов, перелез через них.

Он стоял посреди старого, пропахшего потом зала, и впервые за долгое время что-то внутри сжалось не от боли.

Словно дверь, которую он считал наглухо закрытой, открылась.

На следующий день Айнур пришел в зал в четыре часа.

Он не хотел идти. После вчерашнего спарринга болело

всё. Ребра ныли при каждом вдохе, плечо стреляло при попытке поднять руку, а скула, которую задел кастет, распухла и горела. Мать спросила, что случилось. Он сказал: «Упал». Она не поверила, но не стала допытываться.

Алия просто посмотрела на него своими большими глазами и ничего не сказала.

Айнур взял с собой только воду — старую бутылку из-под газировки, которую мыл и использовал снова. И бинты. Те самые, в которых он вчера перематывал руки после драки.

Он спустился в подвал за десять минут до начала.

Громов уже был там.

Старик сидел на скамейке в углу, пил чай из граненого стакана и читал какую-то тонкую книжку в мягкой обложке. Увидел Айнур, кивнул, не поднимаясь.

— Ранний ты. Хорошо. Раздевайся, бинтуй руки. Паша покажет, как правильно.

— Паши нет, — сказал Айнур.

— Будет. Он всегда приходит раньше. Боится, что я его

на разминке уделаю.

Айнур сел на скамейку, достал бинты. Оглянулся на Громова — тот снова уткнулся в книгу. Айнур начал наматывать бинты по старой привычке: вокруг большого пальца, потом на костяшки, потом вокруг запястья. Грязно, но надежно.

— Не так, — сказал Громов, не глядя.

Айнур замер.

— Как надо?

— Смотри.

Громов отложил книгу, взял свои бинты — старые, выцветшие, но аккуратно сложенные. Начал показывать. Медленно, с паузами, чтобы Айнур запомнил.

— Между пальцами пропускаешь, — говорил он. — Не через палец, а между. Чтобы костяшки были закрыты, но кулак сжимался. Запястье фиксируешь туго. Если рука ходит — травма. А травма — это время. А время — это деньги.

Айнур перемотал заново. Получилось лучше. Громов кивнул.

— Будешь делать это, пока глаза не закроются и не сможешь с закрытыми. Это база.

Хлопнула дверь.

В зал влетел Паша — красный, запыхавшийся, в ярко-желтых шортах и такой же желтой растянутой футболке.

— Здорова, тренер! Здорова, Айнур! — Он бросил сумку в угол, начал стягивать кофту. — Готов? Сегодня тебя ждет сюрприз.

— Какой? — спросил Айнур.

— Увидишь, — ухмыльнулся Паша. — Громов, можно начинать?

— Начинай, — разрешил тренер. — Разминка — бег, потом скакалка, потом суставная гимнастика. Айнур, делай всё, что Паша делает. Даже если кажется дурацким.

— Бегать в подвале? — спросил Айнур.

— Вокруг ринга. Пять кругов.

— Это мало.

Громов посмотрел на него.

— Сделай пять. Завтра сделаешь десять. Потом двадцать. А сейчас — пять, и без разговоров.

Разминка

Айнур бегал вокруг ринга. Пять кругов — это метров триста, не больше. Он пробежал их без труда. Потом Паша дал ему скакалку.

— Умеешь? — спросил он.

— Нет.

— Научишься. Тренер говорит, скакалка — это ноги. А ноги — это голова. Не понял? Я тоже сначала не понял. Потом понял.

Паша показал. Легко, будто танцую. Скакалка свистела в воздухе, ноги двигались сами — быстрые, легкие шаги, сме-на ног, двойные прокруты.

Айнур попробовал.

Скакалка ударила его по ногам. Со второго раза — по спине. С третьего — снова по ногам.

— Расслабь плечи, — сказал Паша. — Ты как робот. Скакалка не любит, когда напрягаются.

Айнур попробовал еще раз. Получилось. Два прыжка. Потом три. Потом он сбился, ударил себя по руке и выругался сквозь зубы.

— Потише, — сказал Громов из угла. — Здесь мата нет.

— А что есть?

— Работа.

Айнур продолжил. Через десять минут он уже мог пропрыгать десять раз подряд. Через двадцать — двадцать. Пот заливал глаза, футболка прилипла к спине.

— Хватит, — сказал Громов. — Теперь суставная. Паша, показывай.

Суставная гимнастика оказалась хуже бега и скакалки вместе взятых.

Айнур крутил руками, головой, тазом, делал наклоны, выпады, приседания. Мышцы горели, в груди хрипело, а Паша прыгал рядом, улыбался и что-то напевал себе под нос.

— Ты всегда такой... бодрый? — спросил Айнур.

— Всегда, — ответил Паша. — Жизнь — это кайф, Айнур. Даже когда больно. Особенно когда больно.

Айнур не понял, но кивать не стал.

Работа на лапах

— Теперь — лапы, — сказал Громов, поднимаясь со скамейки. Он надел старые тренерские лапы — потертые, в пятнах пота. Встал в центр зала. — Паша, садись, смотри. Айнур — ко мне.

Айнур подошел. Встал напротив. Не знал, куда смотреть.

— Глаза — мне в глаза, — сказал Громов. — Но видеть

будешь плечи. По плечам читается удар. Стой свободно, ноги на ширине плеч, вес на передней. Локти к корпусу. Подбородок — вниз.

Айнур встал, как сказали. Чувствовал себя нелепо.

— Бей правой прямой. В лапу.

Он ударил. Громов даже не шелохнулся.

— Слабо. Еще.

Айнур ударил сильнее.

— Еще.

Сильнее.

— Еще!

Он вложил всё, что было. Вес тела, плечи, злость. Громов шагнул назад — лапа дернулась, но выдержала.

— Лучше, — сказал тренер. — Но плохо. Смотри. — Он снял лапу, показал движение. — Удар не рукой. Рука — это проводник. Удар — это ноги, бедра, корпус. Всё тело. Как

плеть. Смотри.

Он ударил в лапу, которую держал Паша. Звук получился резким, громким — словно выстрел.

— Попробуй так.

Айнур попробовал. Получалось не так, но лучше, чем в первый раз.

— Ты не расслаблен, — сказал Громов. — Боец на ринге — это как пружина. Вроде расслаблен, а вроде готов взорваться. Ты сейчас просто сжал кулак и бьешь. Не так.

— Как тогда?

— Много будешь знать — состаришься быстро, — ответил Громов. — Давай еще десять раз. Правой. Потом левой.

Айнур бил. Правой, левой, снова правой. Лапы хлопали. Пот капал на резиновый пол.

— Руки выше, — командовал Громов. — Локти к себе. Не разводи. Не отводи башку назад — подбородок вниз. Не выключай ноги. Ноги работают даже когда стоишь.

Айнур пытался делать всё сразу. У него ничего не получилось. Но с каждым ударом — чуть-чуть лучше. Чуть быстрее. Чуть точнее.

— Хватит, — сказал Громов через полчаса. — Перерыв пять минут. Пей воду.

Айнур отошел к скамейке, рухнул на нее. Пил воду мелкими глотками, чувствовал, как дрожат руки.

Паша присел рядом.

— Нормально для первого раза, — сказал он. — Я когда первый раз пришел, меня вырвало после разминки.

— Правда?

— Нет, — ухмыльнулся Паша. — Но могло бы.

— Теперь мешок, — сказал Громов. — Паша, покажи, как правильно.

Паша подошел к тяжелому мешку, встал в стойку. Ударил — раз, два, три. Быстро, резко, с возвратом. Мешок качнулся, но не сильно — Паша не раскачивал его, бил в одну точку.

— Смотри, Айнур, — он остановился, повернулся. — Мешок — это не враг. Это тренажер. Не надо в него вкладывать всю злость. Надо бить ровно, чтобы рука сама возвращалась. Локти — к себе, плечи — расслаблены.

Айнур встал к мешку.

Начал бить. Сначала медленно, принаравливаясь. Мешок висел неподвижно. Потом быстрее. Мешок качнулся.

— Не раскачивай, — сказал Громов. — Бей в одну точку.

Айнур попробовал. Мешок всё равно качался.

— Ты бьешь, а потом руку не возвращаешь. Возвращай по той же траектории. Быстрее, чем бьешь.

— Как это? — спросил Айнур.

— Как руку обожгло. Отдерни, понял?

Айнур понял. Он ударил и отдернул руку так, будто мешок был раскаленным. Получилось.

— Лучше. Еще.

Он бил минуту. Две. Пять.

— Меняй ногу, — сказал Паша. — Ты на правой стоишь всё время. Ноги должны работать.

Айнур начал менять стойку. Получалось неловко, неуклюже, но он старался. Мешок гудел под ударами. Пот заливал глаза, но он не останавливался.

— Хватит, — сказал Громов. — Первая тренировка окончена.

Айнур опустил руки. Они дрожали так, что он не мог их удержать на весу. Дышал как загнанная лошадь — ртом, губоко, хрипло. В легких жгло.

— Как себя чувствуешь? — спросил Громов.

Айнур подумал.

— Как будто меня переехали, — сказал он.

— Это хорошо, — кивнул Громов. — Значит, завтра будет болеть сильнее. Послезавтра — еще сильнее. А через неделю привыкнешь. Или бросишь.

— Я не брошу, — сказал Айнур.

Громов посмотрел на него своими стальными глазами. С минуту — не меньше.

— Посмотрим, — сказал он. — Паша, закрой зал. Айнур, завтра в четыре. Не опаздывать.

Айнур кивнул. Собрал свои вещи — бутылку, старые бинты, телефон. На выходе остановился, оглянулся.

Паша вешал мешки на место. Громов сидел на скамейке, снова пил чай из граненого стакана. Марат только вошел, здоровался за руку с Дамиром.

Зал жил своей жизнью. И Айнур был теперь его частью.

Он вышел на улицу.

Вечерело. Фонари еще не зажглись, и дворы тонули в синих сумерках. Снег скрипел под ногами. Было холодно — после жаркого подвала мороз ударил в лицо, по коже пробежали мурашки.

Айнур шел домой. Руки болели, ноги гудели, спина ныла. Но внутри — там, где обычно жила только усталость и пу-

стога — что-то изменилось.

Он не знал, что это было.

Надежда? Слишком громко.

Просто — что-то.

Айнур шел медленно.

Обычно он передвигался по городу бесшумно и быстро — привычка, выработанная годами желания не отвечивать, не привлекать внимания, просто исчезнуть из поля зрения всех, кому до него есть дело. Но сегодня ноги не слушались. Каждый шаг отдавался в натруженных икрах, в позвоночнике, в ноющей правой руке, которую он на тренировке едва не убил на лапах Громова.

Боль была странной. Не той, к которой он привык на улице, когда после драки саднит рассеченная бровь и ноют сломанные пальцы. Эта боль была глубже, мышечной, и в ней ощущалась какая-то правильность. Будто тело подсказывало: «Это не зря. Это — работа».

Он зашел в свой двор.

Девятиэтажка стояла, как всегда, хмурая, облезлая, с выбитыми окнами в подъезде и вечно незакрытой дверью. Фонарь у входа не горел уже полгода, и жильцы привыкли входить в подъезд в темноте, нащупывая дорогу. Айнур тоже привык. Он нашарил перила, поднялся на свой этаж, достал ключи.

Замок щелкнул тихо, как мышь.

В квартире пахло. Не капустным супом, не старыми вещами — пахло усталостью. Тем специфическим запахом, который бывает в домах, где слишком долго живут слишком бедно и слишком устают.

Горел свет на кухне. Значит, мать была дома.

Айнур скинул кроссовки, повесил куртку на вешалку и прошел на кухню, стараясь ступать бесшумно. Но она услышала.

Гульнара Фаритовна сидела за столом, подперев щеку рукой. Перед ней стояла чашка с остывшим чаем — недопитым, как обычно. Она пила мало, ела мало, говорила мало. В последние годы она вообще стала какой-то полупрозрачной, будто таяла на глазах.

— Ты где был? — спросила она, не поднимая головы.

— В зале, — ответил Айнур.

— В каком зале?

— Боксерском.

Гульнара подняла глаза. Посмотрела на сына — на разбитую скулу, на припухшую губу, на запачканную чемоданом футболку. На руки. Особенно на руки.

— Опять дрался? — спросила она устало.

— Тренировался, — поправил Айнур.

— Тренировался? — Она усмехнулась — невесело, с горечью. — Айнур, ты посмотри на себя. Ты выглядишь так, будто тебя молотили полдня. Это тренировки называются?

— Да, — твердо сказал он. — Это называется бокс.

Гульнара покачала головой. Хотела что-то сказать, но закашлялась — надрывно, с хрипом, как всегда по вечерам. Кашель сотрясал ее худое тело, она согнулась, прижала ко рту платок.

Айнур налил ей воды, поставил перед ней.

— Выпей.

Она отпила, отдышалась. Посмотрела на сына с какой-то странной смесью вины и бессилия.

— Зачем тебе это, Айнур? — тихо спросила она. — Зачем тебе бить кого-то или чтобы били тебя? Ты же умный парень. Учился бы, поступил куда-нибудь...

— На что, мам? — перебил он. Тоже тихо, без злости. — На что поступать, если денег даже на антибиотики нет? Я видел, что ты вчера выбросила рецепт. Потому что на лекарства не хватило.

Гульнара опустила глаза.

— Не твое дело, — сказала она глухо. — Я справлюсь.

— Я тоже, — ответил Айнур. — И мое дело — помогать. А для этого нужны деньги. А для денег нужно уметь драться. Или ты хочешь, чтобы я, как Адель, пошел на дело?

— Не смей, — подняла она на него глаза — и в них впер-

вые за вечер появился огонь. — Не смей сравнивать себя с ним. Ты — другой.

— Пока — другой, — сказал Айнур.

Повисло молчание.

В комнате за стеной зашуршало — Алия не спала. Она всегда не спала, когда слышала их разговоры. Подкрадывалась к двери, слушала, затаив дыхание. Айнур знал это, но никогда не прогонял ее.

— Алия, иди сюда, — позвал он.

Через секунду дверь приоткрылась, и на пороге появилась сестра. В старой пижаме с мишками (ей досталась от какой-то знакомой матери, уже постиранная до дыр), с растрепанными волосами и большими темными глазами. В руках — планшет с рисунком.

— Ты пришел, — сказала она, подходя к брату. — Я ждала.

— Я каждый день прихожу, — ответил Айнур.

— Но сегодня ты пришел поздно, — серьезно сказала

Алия. — Я волновалась.

Айнур хотел сказать что-то колкое, вроде «нечего за мной следить», но увидел ее лицо и не смог. Она была единственной, кто смотрел на него без страха и без жалости. Кто видел в нем не «злого парня с района» и не «бедного родственника», а просто старшего брата. Который иногда улыбается. Который купил ей акварель и спрятал под кровать.

— Не волнуйся, — сказал он, положив руку ей на голову.
— Я в порядке.

— Ты весь в синяках, — заметила Алия. — И пахнешь странно.

— Это спортзал, — ответил Айнур. — Пот и железо.

— Фу, — сказала Алия, но не отстранилась.

Гульнара смотрела на них. На огромного мрачного сына и маленькую дочь, которая его совершенно не боялась. И в ее глазах на секунду мелькнуло что-то теплое, почти улыбка.

— Ладно, — сказала она, поднимаясь. — Есть будете? Я разогрею.

— Я сам, — сказал Айнур. — Ты ложись.

— Я не устала.

— Ложись, мам, — повторил он. Тверже. Так, что она не стала спорить.

Гульнара вздохнула, поцеловала Алию в макушку (Айнур она не целовала, они оба этого стеснялись) и ушла в комнату. Через минуту оттуда послышалось покашливание и скрип кровати.

Айнур разогрел суп. Налил себе тарелку, сел. Алия при-
мостилась рядом, положив планшет на стол.

— Я сегодня нарисовала, — сказала она, раскрывая рисунок.

Айнур посмотрел. На листе был парень. Худой, с темными волосами, в капюшоне. Стоял на фоне заснеженного пустыря, сжав кулаки. Лицо было нарисовано нечетко, но Айнур узнал его. Узнал себя.

— Это ты, — сказала Алия. — Тот, который не боится.

— Я боюсь, — тихо ответил Айнур. — Просто не пока-

зывают.

— А я показала бы, — сказала Алия серьезно. — Если бы умела рисовать страх.

Он не нашелся, что ответить.

В прихожей хлопнула дверь.

Айнур напрягся. Алия сжалась, придвинулась к брату.

Но вошел не отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.